

РОМАН Г. БИЧЕР-СТОУ «ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА» В РУССКОЙ КРИТИКЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Рассматривается эволюция взглядов русских критиков и литературоведов XIX–XX в. на роман Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», а также изменение акцентов восприятия произведения в разные периоды истории России.

Ключевые слова: русская критика и литературоведение, американская литература.

Антирабовладельческий роман американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», впервые опубликованный в 1852 г. и сразу после появления переведенный на большинство европейских языков, считается одним из самых популярных произведений XIX в.

Однако русский перевод книги появился лишь в 1858 г., что объясняется ее цензурным запретом, действующим до конца 1857 г., хотя в просвещенных, особенно демократических, кругах роман читался в оригинале или часто в переводах на французский и немецкий языки. Об этой книге упоминали в личной переписке А. И. Герцен, И. И. Пущин и др.

Первая рецензия на роман, перепечатанная в переводе из английского издания «Times», появилась в России в журнале «Русский вестник». В ноябре 1857 г. русское правительство официально объявило о намерении провести крестьянскую реформу, а уже в декабре этого года журнал «Русский вестник» начал частями издавать первый перевод «Хижин дяди Тома», который сразу привлек читателей и критиков. Рецензии 1850–60-х гг. публиковались в основном в более либеральных и демократических изданиях, таких, как, например, «Русский вестник» или «Современник», издаваемый Некрасовым.

В дальнейшем круг изданий, упоминающих о «Хижине», расширился, но все посвященные роману статьи носили в основном справочный характер: они излагали историю создания романа, биографию Бичер-Стоу, давали историческую справку об Америке и борьбе чернокожего населения против рабства. Рецензенты часто подчеркивали политическую значимость произведения, его моральную ценность и т. д. Можно утверждать, что за вторую половину XIX в. «Хижина дяди Тома» не получила в России никакого серьезного осмысления. Только в редких случаях критики делали попытки оценить роман с точки зрения его художественного значения, то подчеркивая «простоту и изящество» стиля Бичер-Стоу [1, с. 79], то говоря, что он «в художественном отношении далеко не принадлежит к разряду выдающихся творений» [2, с. 274].

Однако были намечены некоторые аспекты дальнейшего изучения романа. Критики того времени выделяли в качестве основных такие характеристики

произведения, как его религиозная окраска, аболиционистская направленность и бытописательность.

Многие современные исследователи рассматривают Г. Бичер-Стоу как представительницу так называемого романа домашнего очага – литературного течения, соединяющего в себе «романные традиции Джейн Остин, сентименталистскую прозу Ричардсона и роман воспитания XVIII в.» [3, с. 368] и очень популярного среди женщин-литераторов первой половины XIX в., когда писательство еще считалось сугубо мужским занятием, а в удел женщинам доставались лишь описание быта, семьи и т. д. Действительно, среди признаков «романа домашнего очага» выделяют «поверхностный уровень художественной структуры, фабулы, системы персонажей, сюжетных коллизий», а также «незатейливые художественные решения (например, контраст и параллель)» [3, с. 369], и все они в той или иной степени присутствуют в «Хижине дяди Тома».

Ориентированность романа на домашнюю сферу подчеркивалась и в русской критике второй половины XIX в. Заметки о романе печатались в таких периодических изданиях того времени, как «Семья», «Образование», «Вестник воспитания», где в разделах, посвященных литературе, традиционно были представлены произведения для семейного и детского чтения; при этом часто подчеркивалась нравственность книги и содержащаяся в ней поддержка семейных ценностей, а сама писательница позиционировалась как «нежная сестра, любящая мать и опора своей семьи» [4, с. 74]. Журнал «Живописное обозрение» в 1885 г. напечатал заметку под названием «Госпожа Бичер-Стоу в ее домашней обстановке», где дал описание быта и характера автора «Хижин дяди Тома». При этом интересен тот факт, что стиль заметки весьма схож со стилем самой Бичер-Стоу, а сцена, описанная в ней, почти повторяет начальную сцену из главы «Поселок квакеров», в которой рассказывается о быте жителей деревни, приютивших у себя героиню романа Элизу. Сравним некоторые фрагменты двух текстов на примере перевода романа, изданного примерно в то же время, в 1880 г. Глава XIII романа начинается с описания жилища квакеров: «Перед нами открывается теперь картина мира: мы видим просторную кухню; стены окрашены приятным цве-

том; ни пылинки на желтом, гладком, блестящем полу. Пирамиды оловянной посуды горят как жар и вызывают аппетит, напоминая множество лакомых блюд» [5, с. 124]. Статья также начинается описанием жилища, но уже самой Бичер-Стоу: «В этом доме царствует атмосфера литературы Новой Англии. Библиотека служит вместе с тем и гостиной, в осенние холодные дни здесь приветливо сверкает огонек камина. В простенках между окнами стоят высокие разрисованные панели, суживающиеся кверху, что придает им вид скрижалей завета» [6, с. 350].

Следующий абзац как в главе романа, так и в статье представляет хозяйку дома – жительницу поселка Рахиль в первом случае и саму Бичер-Стоу – во втором. Эти два абзаца также весьма схожи между собой: «Ей от пятидесяти до шестидесяти лет, но у нее такие черты лица, которых старость не только не искажает, а еще придает им новую прелесть. Креповая шапочка ее, белая как снег, сделана точь-в-точь как те шапочки, которые носят жены квакеров. Ее карие, полные блеска глаза сияют чувством и простотою души. Стоит пристально взглянуть в них, чтобы увидеть всю глубину ее открытого, доброго и правдивого сердца» [5, с. 125]; «Бичер-Стоу, маленькая, спокойная старушка, очень просто одетая, склонная к рассеянности, обладающая большой долей мечтательности. Она очень сдержана; в некоторых линиях ее лица проглядывает сильный характер и твердая воля; но вместе с тем лицо ее носит отпечаток врожденной искренности и добродушия» [6, с. 350]. Как видно, и слог, и построение текста в этих двух отрывках весьма схожи, что может говорить о намеренном подражании автором статьи стилю Бичер-Стоу с целью провести более явную параллель с ее произведением.

Многие критики и рецензенты того времени подчеркивали также явную религиозную окраску произведения, утверждая, что «главной силой сочинения» Бичер-Стоу являлась «вера дяди Тома в Библию» [7, с. 75], а Толстой в трактате «Что такое искусство» назвал роман образцом «высшего, вытекающего из любви к Богу и ближнему, религиозного искусства» [8, с. 176].

Однако почти с начала XX в., в предреволюционный период, акценты восприятия произведения меняются, критики отходят от традиционного взгляда на «Хижину дяди Тома» как на бытовой роман и начинают усматривать в нем, согласно веянию времени, революционную направленность. Критические отзывы того периода отличаются повышенной экспрессивностью стиля и акцентированием не нравственного, а социально-исторического значения книги. Писательницу в них представляют теперь не как жену и мать семейства, а как борца за равноправие, «решительно выступившего с идеей освобождения», ставящую перед собой «определенные социально-политические цели» [9, с. 465–466]. Сравним отрывки из статей, посвященных «Хижине дяди Тома» и ее автору: «Би-

чер-Стоу боролась против рабства как могла, как ей позволяли ее силы: она яркими красками нарисовала картины невольничества, чтобы, по ее же словам, жители всех Соединенных Штатов поняли, какая проклятая вещь – рабство негров. Ее голос был услышан многими; мысли и чувства, вложенные ею в свое произведение, возбуждали такие же чувства во многих читателях» («Мир Божий», 1892) [10, с. 20]; «Бичер-Стоу принимала самое горячее участие в завязавшейся борьбе. Пером – оружием писателя – она призывала на эту борьбу за святое дело. Успехи повести придавали ей новые силы. Огромный круг читателей, восторженных почитателей таланта автора “Хижины дяди Тома”, давал ей широкую возможность действия на сердца и умы» («Всходы», 1911) [11, с. 686]. Как видно из примера, выбор лексических единиц для описания одного и того же процесса создания книги производил на читателей определенный эффект, отражая отношение к роману в разные периоды времени. Так, в первом случае выражение «яркими красками рисовала картины» создает более спокойный и мирный образ, а часто употребляемое в статье слово «чувства», будучи однокоренным со словом «сочувствие», формировало у читателей определенное восприятие романа. Иные, более экспрессивно окрашенные слова выбираются во втором случае: уже не с кистью художника сравнивается перо писателя, а с «оружием», а несколько раз повторяемое слово «борьба» еще больше усиливает аналогию с ведением войны, в которой участвует и сам автор.

После революции и в течение долгого времени, под влиянием нового политического строя, советские литературоведы недооценивают, а то и вовсе отрицают нравственный и религиозный аспекты произведения. Так, в «Литературной энциклопедии» издания 1929 г. роман назван «нежелательным», так как «сила реалистического изображения рабства нейтрализуется религиозным разрешением конфликта» [12, с. 503]. В дальнейшем, после появления сокращенных переводов, религиозную составляющую романа стали воспринимать как результат заблуждения автора, оправдывая ее тем, что, будучи дочерью священника, «Бичер-Стоу была воспитана на Библии, псалмах» и «каноны проповеди стали во многом канонами ее романа» [13, с. 67].

Такой однобокий подход к осмыслению произведения отразился и в переводах «Хижины дяди Тома» на русский язык. Практически в течение целого столетия, с конца XIX и до начала XXI в., не был издан ни один новый полный перевод романа, а полные переводы, сделанные в XIX в., не переиздавались. За весь советский период было издано только три (до революции – около пятнадцати) новых перевода, не считая нескольких кратких переложений и переработок для детей, но и в них имелись сокращения, главным образом за счет вырезанных рассуждений о религии, цитат и эпиграфов из Библии и т. д.

Основная идея «Хижин» видится советским исследователям в противопоставлении Тома с его христианским смирением, идеей непротивления злу насилием и Джорджа Гарриса с его непокорностью и свободолобием. В этом противопоставлении, по их мнению, выигрывает последний. Например, энциклопедия «История американской литературы» (1947) так выражает этот общепринятый в России того времени взгляд на «Хижину дяди Тома»: «Религиозная мотивировка развития характеров и событий настойчиво проводится на протяжении всей книги, но логика самой жизни, отраженная в реалистическом романе Бичер-Стоу, вступает в противоречие с этой религиозно-примирительной тенденцией и берет над нею верх. Рядом с образами смиренных и кротких страстотерпцев встают образы людей непокорных, восстающих, каждый по-своему, против всей системы рабовладения. Таков Джордж Гаррис, талантливый изобретатель, рвущийся на свободу и полный ненависти к своим хозяевам» [14, с. 327].

В таком же идеологическом ключе написаны и более серьезные исследовательские работы, посвященные творчеству Г. Бичер-Стоу, изданные на протяжении всего советского периода. Эти работы рассматривали произведение в основном как образец политической пропаганды, редко давая оценку его художественному значению, особенностям стиля и т. д. Можно с уверенностью утверждать, что на протяжении второй половины XX в. не было написано «ни одной работы, которая дала бы исчерпывающий анализ как слабых, так и сильных сторон творчества Бичер-Стоу» [15, с. 10]. Среди литературоведческих работ, включающих в себя попытки художественного анализа «Хижин дяди Тома», можно выделить дис-

сертации Н. К. Полонской «Творчество Гарриет Бичер-Стоу» (1955) и В. Н. Ермолаевой «Социальный роман Бичер-Стоу» (1969), а также монографии Р. Д. Орловой «Гарриет Бичер-Стоу» (1971), «Хижина, устоявшая столетие» и М. П. Тугушевой «Роман Г. Бичер-Стоу “Хижина дяди Тома”» (1985). И хотя некоторые из работ содержали анализ поэтики и композиции произведения, отрицание некоторых аспектов романа, идущих вразрез с общепринятой идеологией, без сомнения, снизило научную ценность этих исследований.

В постсоветский период, когда российское литературоведение освободилось от жестких идеологических рамок, роман Г. Бичер-Стоу рассматривается как «многоаспектное произведение со сложной художественной системой» [16, с. 157]. Исследователи вновь обращаются к разным аспектам книги, таким, как, например, ее религиозная направленность. Появляются более серьезные лингвистические и литературоведческие исследования текста «Хижин дяди Тома»; активизируется и переводческий интерес к роману, о чем говорит, например, републикация издательством «Библия для всех» полного перевода А. А. Рагозиной, впервые изданного в 1901 г., а также появление нового полного перевода романа под редакцией А. Е. Полозовой.

Однако в целом приходится констатировать, что отечественное литературоведение не слишком интересовалось «Хижин дяди Тома». Отчасти это объясняется тем, что за романом достаточно прочно закрепилась репутация произведения невысокой художественной ценности, а также тем, что уже с конца XIX в. он вошел в разряд детского чтения и не вызывал у литературоведов серьезного научного интереса.

Список литературы

1. Бичер-Стоу и «Хижина дяди Тома» // Мир Божий. 1898. № 10. С. 78–79.
2. Гарриет Бичер-Стоу, автор «Хижин дяди Тома» // Там же. 1896. № 8. С. 271–274.
3. Анцыферова О. И. В. Морозова. Южный миф // Вопр. литературы. 2007. № 4. С. 368–371.
4. Бекетова М. Детство и воспитание Г. Бичер-Стоу // Вестник воспитания. М., 1895. С. 74–97.
5. Бичер-Стоу Г. Хижина дяди Тома, или жизнь негров в невольничьих штатах Северной Америки. М.: Тип. М. Каткова, 1880. 415 с.
6. Госпожа Бичер-Стоу в ее домашней обстановке // Живописное обозрение. СПб., 1885. С. 350–352.
7. Бичер-Стоу и история «Хижин дяди Тома» // Северный вестник. 1896. № 10. С. 73–76.
8. Толстой А. Н. Что такое искусство // Собр. соч.: в 22 т. Т. 15. М.: Худ. лит. 1978–1985. С. 41–211.
9. Гарриет Бичер-Стоу // Нива. 1911. № 25.
10. Люди труда и сильной воли // Мир Божий. 1892. № 7. С. 19–20.
11. Друг униженных // Восток. 1911. № 9. С. 682–691.
12. Бичер-Стоу // Литературная энциклопедия / под ред. П. И. Лебедева-Полянского. Т. 1. М., 1929. 503 с.
13. Орлова Р. Д. Гарриет Бичер-Стоу. М.: Просвещение, 1971. 127 с.
14. Бичер-Стоу // История американской литературы. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 324–337.
15. Полонская Н. К. Творчество Гарриет Бичер-Стоу: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1955. 207 с.
16. Благовестный А. Ю. Особенности художественной системы романа Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» // Вестн. гуманит. фак-та ИГХТУ. Иваново, 2007. Вып. 2. С. 157–159.

Иголкина Д. И., преподаватель.

Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, г. Томск, Томская область, Россия, 634050.

E-mail: Daria_Igolkina@yahoo.com

Материал поступил в редакцию 27.05.2010

D. I. Igolkina

HARRIET BEECHER-STOWE'S «UNCLE TOM'S CABIN» IN THE RUSSIAN CRITICISM AND LITERATURE STUDY

The article dwells on the genesis of critical reception of Harriet Beecher-Stowe's novel «Uncle Tom's cabin» and reveals the changes in its perception during different periods of Russian history.

Key words: *Russian criticism and literature study, American literature.*

Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, Tomskaya oblast, Russia, 634050.

E-mail: Daria_Igolkina@yahoo.com